

Владимир Нагда

**Гамак
из паутины**

Охота на беса

Владимир Нагда
Гамак из паутины

«Издательские решения»

2015

Нагда В.

Гамак из паутины / В. Нагда — «Издательские решения», 2015

Как известно, Кавказ представлял большой интерес для правителей государств и империй, притягивая к себе алчные взгляды как императоров, так и проходимцев всех мастей. Византийские властители также имели свои виды на территории Кавказа и его богатства. По некоторым историческим документам (сочинения Михаила Пселла и историка Скилицы), во время правления царя Михаила произошли события, никак не вписывающиеся в размеренную жизнь Империи. Герои нашего повествования решили разгадать тайну тех лет.

© Нагда В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Гамак из паутины

Охота на беса

Владимир Нагда

*Порой, сославшись на усталость,
Картинно в кресле развалясь,
В философии черпаем мы радость,
Над суетою окружения смеясь.*

© Владимир Нагда, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Известно, что для благополучного исхода определённого рода занятий достаточно соблудности одно условие, – это безропотно предаться объятиям навалившейся скуки.

Погрузившись в прибой нахлынувших воспоминаний – не всегда приятных, а подчас и колких – догадываемся, что не всё в жизни так гладко и радужно, как нам того хотелось бы желать. И тогда, поперхнувшись незамеченной волной, торопимся скорее выбраться на твердь. Отчаянно побарахтавшись, в конце концов, избавляемся от паутины смиренного оцепенения.

Зябко передёрнув плечами – пытаюсь окончательно стряхнуть ненужную солоноватую пену – находим силы, чтобы ещё и лукаво улыбнуться. Попутно в кресле подремав, ввиду крайне деликатного к себе расположения стараемся более не думать о недоразумениях, с нами же случавшихся.

Иначе говоря, насладившись мудростью своей, познаём мы собственную значимость.

Всё мыслим, мыслим – и нет желания на веру и всерьёз воспринимать то, о чём, посмеиваясь, слышали лишь «краем уха».

Да, думается, бытие наше чем-то похоже на некую медаль.

Так ведь и она, медалька, не всегда нас радует: ей бы всё крутиться, вертеться – в общем, что хочет то и делает.

Вот так и мы свой суд, неосторожный, судим – нисколько не смущаясь, не кривясь. Правда, назойливые мысли порой одолевают. Дело в том, что необъяснимые, а в чём-то даже изумляющие события, и без нашего высочайшего позволения происходят сами по себе.

Глава 1

Судя по европейским меркам Пезаро от других городов Италии никогда и ничем особенным не отличался. Напротив, согласно мнению любителей исторических коллизий, подобное определение выглядит довольно спорным и даже унижительным.

Стоило человеку, любознательному и пытливому, услышать имя Джоакино Россини, именно в этом городе соизволившего появиться на свет, как тотчас замирало сердце и затаивалось дыхание. К тому можно отнести и творение Леонардо да Винчи, учтиво согласившегося приложить руку к строительству крепости, возводимой когда-то герцогом Рокка Констанца.

И верилось, что стены средневековых зданий, как и вчера и триста лет назад, обязательно хранят какую-нибудь нераскрытую тайну. А от сладостного предчувствия, что ключ от сундука интригующих загадок пылится где-то рядом, порой кружилась голова.

И непременно находятся желающие, которым так не терпится прикоснуться к событиям, от ушей и глаз необязательных свидетелей в веках сокрытым. Кто знает, вдруг след о том ещё остался?

Может поэтому, каменную мостовую от стен, увитых цепкими полозами зелёного плюща, отделяет невысокая металлическая ограда. Но к чести старых мастеров конструкции оград преградой представлялись лишь отчасти.

А более всего потемневшим от времени и зимней сырости строениям досаждали толпы туристов, неутомных в желании своём запечатлеть увиденное, чтобы по приезду в родные пенаты гордо предъявить друзьям и близким, как верное доказательство личного участия в этом празднике жизни.

Фото и кинокамеры с утра и до вечера заполняли улицы, парки, уютные скверы. Беспреданно жужжа, щёлкая и ослепляя яркими вспышками, пользуясь настырностью беспардонных объективов, утомляли они не столько умудрённых опытом гостеприимства терпеливых жителей города – сколько опрометчиво обнажённые мраморные скульптуры, расставленные и здесь и там: в тенистых аллеях, центре фонтанов и даже на парапетах смотровых площадок.

И в жаркие дни, прогуливаясь по многочисленным террасам, любуясь изяществом разнообразных клумб – искусством не забытым, не утерянным, бережно сохраняемым – вдыхая аромат цветов и радуясь лёгкому морскому бризу, трудно найти хоть малую причину для беспокойства за последствия от длительных прогулок. Близость моря и отсутствие континентальных ветров оказывали весьма благотворное влияние на климат этих мест.

Не секрет, что именно в предвечерние часы всего приятней прогуливаться по мощёным улицам, наслаждаясь наступающей прохладой и неторопливой беседой с попутчиками или, что ещё занятнее, с очаровательной попутчицей.

Именно в это время дня в кругу небольшой дружеской компании можно степенно, облачившись в незримую мантию учёного интеллигента, но и не намекая на какую-либо научную степень, с искренним благоговением рассуждать на тему архитектурных изысков и неподражаемых находок древних зодчих.

Где и когда хотелось большего желать: как для здоровья, так и для приятного досуга.

Глава 2

С некоторых пор на главной улице старого квартала можно было видеть молодого человека, одетого довольно изысканно, непременно строго и с неизменной тростью в руке. Весь его вид, одежда несколько смущали местную молодёжь, и напротив – вызвали одобрительные улыбки старшего поколения.

Обычно бежевых, но не ярких оттенков твидовые костюмы, что менялись при каждом его появлении, как нельзя лучше соответствовали духу того времени, когда, помнится, жизнь была светлее, ярче и бесспорно интересней.

При встрече со знакомыми жителями этот человек обязательно приподнимал фетровую или тонкой фланели шляпу и вежливо, слегка опуская голову, раскланивался и приветливо улыбался. А если кому-то случалось пожать ему руку, да и перекинуться парочкой несущественных слов – так это было одно удовольствие и... даже престижно!

К концу суматошного дня – если позволяла погода, а наплыв вездесущих туристов более не утомлял уставших от шума и суеты горожан – со стороны замка «Орфан» появлялась высокая фигура. Слегка опираясь на трость, и намеренно не отступая от середины мостовой, молодой человек в гордом одиночестве шествовал к центру старого города.

Вымощенная плоским булыжником улица направляла шаг неспешного прохожего к площади, в границах которой испокон веков происходили все значимые события города.

Торжественные встречи новоиспечённого мэра с добропорядочными и законопослушными гражданами оставляли неизгладимый след в исторических хрониках города. На страницах нетленных фолиантов, всё ещё пылящихся в архиве городской ратуши, с обязательным усердием заполненных готической вязью, нетрудно найти множество несовпадений с мечтой и ускользающей надеждой. Думается, что не стоит вспоминать о вдохновенной речи заезжего горе-мечтателя, бесстыдно метавшего словесный бисер в толпу недовольных ремесленников и прочей бедноты, при распределении различных благ незаслуженно забытых.

Имелись подозрения, что в затенённых кулуарах власти публично принятые законы каким-то странно-непостижимым образом втайне вытравлялись из бумаг, а сопутствующие тому необязательные привилегии, к прискорбию досужих обывателей, забывались навсегда. А там уже и бунты, где правды быть и не могло. Потом, как следствие, суды и казни: неминуемый итог злого и безудержного веселья, затем и горького похмелья.

На площади – почти в центре – освежал воздух и тела малолетних купальщиков обязательный для всех городов Италии фонтан – несколько помпезный, но всегда и всеми горячо любимый. Именно сюда, сообразно геометрическим пропорциям, подчиняясь некогда придуманным архитектурным правилам, сходились все улицы старого города.

Отличный от множества фонтанных композиций – а похожих друг на друга водяных фее-рий в Италии категорически не бывает! – он мило удивлял приезжих, оставляя в душе восторг и благодарную улыбку на лицах.

Подойдя к фонтану, молодой человек останавливался и молча разглядывал скульптурную группу. Морские коньки, соперничая с тритонами, чёрным камнем проскальзывали меж струй искрящейся воды, мимолётно касались гребней человека-саламандры и замирали в позе удивления и вопроса; гордое спокойствие тритонов неизменно отражало снисходительность и добродушие ко всему окружающему.

Улыбнувшись озорству плескавшихся под прохладными струями мальчишек, благородный синьор, расстегнув пуговицу пиджака, доставал из внутреннего кармана портмоне и бросал в воду несколько монет – что, разумеется, вызывало бурю восторга у бронзовых от

южного солнца купальщиков. Затем, отчего-то нахмурившись и даже сутулясь, он медленно шёл к Кафедральному Собору.

К этому часу время проповедей заканчивалось, у входа наблюдалась лишь редкая группа утомлённых туристов. Но вскоре и они, пощёлкав затворами фотоаппаратов, отправлялись на поиски более ярких впечатлений.

Видимо, намеренно оставаясь сторонним наблюдателем, молодой человек никогда не входил во «врата», никогда не подносил ко лбу сомкнутых пальцев и не склонял пред латиницей, что читалась над аркой входа, обнажённой головы.

Надо заметить, что его богобоязненность несколько отличалась от тех норм, какие, так или иначе, присутствуют в поведении обычных прихожан. Единственно, что мог он себе позволить, – это снять шляпу и прижать её к груди.

Недолго постояв – время не зависит от погодных капризов... всё больше от настроения – молодой человек разворачивался спиной к собору и направлялся к уличному кафе, которое зазывало посетителей зеркальными столиками, плетёными креслами и большими разноцветными зонтами.

Находилась кафе в двух шагах от площади, но от круглых столиков уже не было видно ни «врат», ни серых стен, ни католического креста.

Шагнув с проезжей части улицы за символическое ограждение, в виде чугунных столбиков и подвешенных меж ними железных цепей, молодой человек оказывался во владениях синьора Антонио, хозяина довольно-таки уютного заведения и отца двух дочерей – без сомнений, умниц и красавиц.

День близился к завершению. Словно зеркальное отражение друг друга – настолько, родившись в один день и час, они были похожи – сёстры, отдыхая от дневной суеты и жара варочных плит, расположились за столиком у входа в «зимний» зал. До наплыва вечерних посетителей оставалось достаточно времени, чтобы позволить себе занять кресло, предназначенное для клиента, и почувствовать себя в той же роли.

Делясь дневными впечатлениями, они громко смеялись и даже хлопали в ладоши. Вдруг притихнув, украдкой оглядываясь на редких прохожих, сёстры таинственным шёпотом принимались обсуждать какие-то интригующие подробности. За день, известно, накопилось много интересного – и не было никаких сил, чтобы не посплетничать.

Через витринное стекло, они изредка посматривали на отца, занятого в глубине зала неотложными и, безусловно, чрезвычайно важными делами.

Синьор Антонио, расположившись за стойкой бара, выстукивал на клавишах допотопной кассы, из когорты «Феликсов», что-то очень похожее на недвусмысленные угрозы, пытаясь выжать из строптивного аппарата более или менее достоверные сведения о финансовом положении заведения. А чтобы выразить аппарату своё глубочайшее пренебрежение – лишь по этой причине, не иначе – Антонио привлёк к делу только один палец, указательный. В ответ строптивец щёлкал, скрипел, нехотя выдвигал «денежный» ящик, но как только Антонио пытался взять оттуда парочку банкнот, тут же задвигал его обратно; да он, наглец, ещё и из Верди что-то гаденько насвистывал, явно издеваясь!

Эта «железка» вообще дошла до ручки, бесстыдно игнорируя самого Россини – в общем, на мировую идти категорически отказывалась.

Однажды, в сердцах, Антонио обозвал кассовый аппарат «недоумком», на что тот, затаившись, к концу месяца насчитал обидчику такое...

Разумеется, выходка «кассира» подвигла Антонио на откровенно варварский шаг: без малейшего угрызения совести надумал он зашвырнуть антиквариат в ближайший мусорный

бак. И всё же, поступить подобным образом – так просто и без вендетты? – он не мог, потому как месть должна быть публичной и назидательной! К тому же в его седеющей голове роились такие планы, между прочим, вполне созревшие для исполнения, что в изошрённости наказания ему и средневековая инквизиция могла бы позавидовать! Но выбрать единственно подходящий вариант отщепенства и, наконец-то, совершить столь мужественный поступок ему не позволяли два обстоятельства: недостаток свободной наличности и постоянные домогательства налоговой полиции. Хотя, надо думать, когда-то и долготерпению добропорядочного ресторатора должен наступить вполне оправданный конец.

Совершенно отчаявшись добиться желаемого результата, Антонио в последний раз стукнул по клавишам, наклонился и заглянул под стойку бара. Не обнаружив среди всевозможной утвари необходимого предмета, он выпрямился и растерянно пожал плечами. Да, скорее, Антонио пытался вспомнить: и куда ж это подевался молоток? Понятно, что дело подошло к давно ожидаемой развязке.

В подтверждение своей правоты Антонио запасся услышанным где-то тезисом, из которого явствовало, что миф о неотвратимости наказания со всей серьёзностью возводится в ранг непререкаемых истин. Немного поразмыслив, Антонио в суть одного утверждения искренне поверил.

Теперь-то он знал, что при очевидном попрании всех мыслимых законов Фемида не должна более стыдливо прикрывать усталые глаза в прах истлевшей повязкой и молчаливо кивать неизвестно в чью сторону. Да, знаете ли, именно правосудие обязано называть столь неприличные извращения (здесь Антонио имел в виду абсолютно недружественное поведение недобросовестного Феликса) наглым и циничным издевательством над правами личности, которые чётко прописаны и недвусмысленно читаются в документе, называемом Конституцией. Данный тезис Антонио примерил «на себя» и ещё более утвердился в справедливости своих намерений.

От неминуемой гибели Феликса спасло появление на террасе молодого человека – при шляпе и с тростью подмышкой. Увидев по другую сторону витрины посетителя, Антонио поспешил навстречу. Но у дверей он всё-таки обернулся и недобро посмотрел на Феликса.

Искреннее сожаление, что расправу придётся отложить до лучших времён – ну, не при всех же молотком размахивать – однозначно выразилось на лице Антонио. В ответ «антиквариат» щёлкнул хитро залипающей кнопкой и ехидно просвистел что-то из «Аиды».

– Рад видеть вас, господин Орфано! Прекрасная погода, не так ли? Немного жарко, но скоро вечер.

Отодвинув от столика плетёное кресло, Антонио принял из рук молодого человека трость и шляпу и аккуратно, даже бережно, пристроил их на соседнее кресло, после чего перекинутой через плечо длинной до хруста накрахмаленной салфеткой смахнул с поверхности столика несуществующие пылинки.

Выдержав положенную в таких случаях паузу, он спросил:

– Вам, как обычно, кофе и сигару?

– Антонио, – улыбнулся молодой человек, – перестань суетиться, я тебе не «дож», какой-нибудь.

Антонио оставил в прошлом положение «Чего изволите?» и выпрямил спину.

– Привычка, знаете ли...

Прищурившись, он посмотрел на Орфано и заметил:

– Как я понимаю, синьор, настроение у вас не радостное.

Орфано промолчал. Оглядев террасу, он подошёл к креслу, и в нём устроившись, спросил:

– Скажи, Антонио, меня сегодня никто не спрашивал?

Антонио чрезвычайно удивился такому вопросу. До этого дня мало кому могла прийти в голову столь нелепая мысль: интересоваться о месте пребывания и, тем более, какой-либо деятельности синьора Орфано. Правда, один человек – всё тот же комиссар полиции – бывало, проявлял нездоровый интерес к личности владельца замка. Но тщетно! Его настойчивые (думается, что и родился он сразу со значком детектива), но чаще неуклюжие попытки выяснить малоизвестные подробности из прошлого и настоящего времени уважаемого синьора неизменно натывались на стену искреннего непонимания. Можно сказать, что всех тех, с кем бы он ни пытался договориться, почему-то коробила упрямая настойчивость комиссара.

Объектом оскорбительных дознаний становился всякий житель города, кому хоть раз случилось оказаться в компании с господином Орфано и иметь неосторожность вблизи лицезреть покрыв его костюмов. Узнав о подобных случаях, комиссар тут же «брал след». Так с некоторых пор и Антонио был «записан» как объект особого внимания.

Но в этот день комиссара, вероятно, задержали более важные дела, почему и не мог он почтить заведение Антонио своим присутствием.

Да, иногда случалось и такое. Хотя... невнимание закона к проблемам старого квартала никого не огорчало – и всё от того, что мир и спокойствие не терпят инородного вмешательства.

Синьор Орфано и не ждал утвердительного ответа, он осмотрелся и достал из внутреннего кармана пиджака брегет.

«Ого! вот это часики, – приподнял бровь Антонио, – такие ещё поискать надо».

«Время есть», – пробормотал Орфано и, повернувшись к Антонио, сказал:

– Подумал, пришло время попрощаться.

– И надолго вы нас покидаете? – поинтересовался Антонио.

– Не знаю. Возможно, что навсегда.

– Очень жаль, – с грустью в голосе произнёс Антонио. – Вы были к нам так добры, вы так много для нас сделали. Я и мои дочери так признательны...

– Оставь, Антонио, – перебил Орфано. – Когда я вернусь, вот тогда и скажешь: рад ли ты моему возвращению, но пока...

Орфано протянул руку к соседнему креслу, приподнял лежавшую на нём шляпу и сказал:

– Возьми это и открой.

Только теперь Антонио заметил на кресле коричневый кейс. Он не помнил, чтобы Орфано появлялся с чем-то ещё, кроме трости в руках, – вот и не мог взять в толк, когда и как он там оказался?

– Смелее...

Подавив сомнения, Антонио взял кейс и положил его на столик. Шляпа опять заняла своё место.

– С этой минуты кейс, да и всё что в нём находится теперь твоё.

Посмотрев на растерявшегося Антонио, Орфано улыбнулся и сам нажал на кнопку замка; внутри лежало несколько банковских чеков и, усиливая впечатление вязью готического шрифта, лист гербовой бумаги.

Антонио не проронил ни слова. Предчувствие чего-то важного и непонятного лишило его дара речи.

– У вас в роду никого с инфарктом не было? – подозрительно глядя на оцепеневшую фигуру спросил Орфано. Спросил, но тут же пожалел об этом: Антонио пошатнулся и, чтобы не упасть, опёрся рукой о край столика. Однако он успел отрицательно мотнуть головой.

– Это успокаивает. А то я сомневаться начал, – помолчав, сказал Орфано. – Мало ли что бывает. Соберись, друг мой. Ну, всё нормально?

Паузы оказалось достаточно, чтобы Антонио взял себя в руки – о чём и сообщил утвердительным кивком.

– Итак, слушай меня внимательно, – сказал Орфано. Достав из кейса гербовую бумагу, он не торопясь прочёл её и, протянув Антонио, пояснил: – Это генеральная доверенность на владение замком, которым ты будешь управлять. А если я не вернусь, то замок перейдёт в твою собственность. Инструкции по управлению имуществом и прочим контактам с мэрией и чиновничьей братией получишь от моей охраны. Я распорядился.

– Не понимаю... – хотел было возразить Антонио, но наткнувшись на ироничный взгляд синьора, почему-то не решился этого делать.

– А чтобы расходы на содержание замка тебя не утомляли... вот тебе кредитная карточка, – продолжил Орфано. Он вынул из нагрудного кармана пластиковый квадрат и успокоил сомневающегося Антонио: – Здесь на десятки лет хватит.

– Но я не справлюсь! – голос Антонио приобрёл некоторую твёрдость, а врождённое упрямство, кажется, возобладало над страхом и растерянностью. – Вы не учитываете мой возраст, синьор. Должен отказаться от такой чести – вот что я могу ответить.

Орфано сделал вид, что не расслышал последних слов. Он указал на заполненные цифрами банковские чеки и, сказав: «Посмотри эти бумажки», поднялся с кресла.

Повернувшись спиной к столику, он сделал несколько шагов к мостовой, остановился, поднял руки и... как потянулся?

Никогда ещё синьор Орфано не позволял себе такой вольности – и это на улице, на глазах удивлённой публики, нет-нет, да и выглядывавшей из окон соседних домов. Когда Орфано обернулся, лицо его светилось; казалось, с плеч его упал давно надоевший груз, который давил и давил, не переставая, много лет.

Антонио держал в руках банковские чеки. Поочерёдно поднося их близко к глазам – хотя до сего момента на плохое зрение никогда не жаловался – он с большим трудом пытался вникнуть в смысл закорючин и ноликов, там нарисованных.

– Что это? – наконец, справившись с волнением и вернув дар речи, спросил Антонио. – Почему здесь моё имя? Это что, шутка?

Орфано обошёл столик и стал рядом с Антонио. Наклонив голову – наперёд зная, что там написано – он ещё раз исследовал на дрожащей бумаге имеющиеся там буквы и цифры.

– Всё верно. Я-то подумал, что в канцеляриях напутали, – облегчённо вздохнув, произнёс Орфано. Он похлопал Антонио по плечу и засмеялся:

– Ну и впечатлительный ты, друг мой. Ты ведь и меня чуть до приступа не довёл. Ох уж, эти итальянцы.

К этому моменту до сознания Антонио всё-таки дошёл смысл вершащегося: буквы обрели знакомые очертания, составились в слова, а количество ноликов насчиталось до шести штук!

Но главное – перед ровным строем нулей гордо красовалась единица!

– А в какой это валюте?

Так и не успев понять значение последнего символа, Антонио обернулся к Орфано; стесняясь, он кашлянул, осмотрелся вокруг и тихо, но не совсем корректно поинтересовался:

– В лирах, да?

– Нет, в юанях, – усмехнулся Орфано, вложив в ответ такую долю сарказма, что Антонио стало стыдно за свою оплошность.

– Извините, но я не понял...

– В европейской валюте, конечно, то есть в евро... и даже не в долларах! – добил собеседника Орфано, окончательно «зарывая» остатки итальянского красноречия на недостижимую глубину.

«И откуда такие деньги? Столько лет его знаю... но не думал, не подозревал... чтобы так вот взять, да и подарить? – соображал Антонио. – А вдруг он – ну и дела! – аферист международного масштаба? Да я... так я и без кафе останусь. Нет, вряд ли... не того он полёта. Но чего он ещё и замком своим в меня швыряется?»

Размышления на криминальную тему ни к чему не привели: нет ни доказательств обмана, ни попыток шантажа, а о каких-то видимых угрозах... тут и говорить нечего.

– Я тут подумал, что твоим дочерям пора самостоятельную жизнь налаживать – вот и пригодятся им эти деньги. Но и тебя, естественно, не забыл, – без особых эмоций доложил Орфано.

По всему было видно, что вопрос исчерпан, и говорить больше не о чем. Антонио стало грустно и даже скучно. Молчание затягивалось неприлично надолго.

Но вдруг Орфано, словно вспомнив что-то интересное, хитро улыбнулся и сказал:

– Ты заведение своё не продавай, привык я к нему. Да, и не переделывай здесь ничего, очень тебя прошу. И вот ещё что... новый аппарат купи обязательно.

Щёлкнув пальцем по кредитке, он добавил:

– Здесь, думаю, достаточно.

– Непременно, синьор, так я и сделаю, но и старый не выкину. Мне с ним ещё разбираться... он у меня на «пожизненное» останется.

– Так ты ему мстить будешь? – воскликнул Орфано. – Ну и ну! А впрочем, поступай, как знаешь. Так ты согласен?

Антонио ничего не оставалось как, соглашаясь, развести руками. Согласившись таким образом, он ещё раз глянул на чеки и попытался окончательно сосчитать общее количество ноликов, но не найдя в том ничего, что достойно излишнего приложения умственных усилий, отправил «состояние» обратно в кейс. Тяжело вздохнув, он оглянулся на дочерей и... сел на шляпу синьора Орфано – ближе кресла не оказалось.

– За что? – пробормотал Антонио, пытаясь представить себе безоблачное будущее.

«За что?» – подумал синьор Орфано, пытаясь представить себе новую форму шляпы.

Шляпу, конечно, жаль. Но никакая скорбь по шляпе не могла сравниться с беспокойством за здоровье хорошего человека. Пора, естественно, вернуть Антонио в обычное состояние – здравомыслия и уверенности в собственных силах. Однако благие намерения не всегда и не всем идут на пользу, а кому-то могут обратиться и во вред.

Орфано чувствовал, что грань допустимого где-то рядом, совсем близко, что надо бы поставить точку, но остановиться уже не мог.

– Ты же, – спросил Орфано, – из рода Варги?

Антонио задумался. Воскресив в памяти извилины своей родословной, он каким-то образом из разветвлений древа предшествующих поколений всё же выудил упоминание о Варге. Не прошло и полминуты, как Антонио почему-то хмыкнул и сообщил, что знает это имя – ну, по крайней мере, слышал о нём. Да, мало кому за такое короткое время удалось бы совершить столь серьёзную мыслительную операцию, но Антонио оказался на высоте! Несказанно удивив Орфано невероятной осведомлённостью, он всё же спросил:

– А кем был Варга?

О жизни и делах далёкого предка Антонио не только ничего не знал, но и не мог о чём-либо догадываться; зато многое о нём знал Орфано. В своё время именно он принимал непосредственное участие в судьбе Варги и лучше других знал о тех бедах, что свалились на головы несчастного и его будущей семьи. В конечном счёте, Варга пострадал за свою же преданность. Теперь же Орфано представился случай заглядеть вину, свою и чужую. Правда, объяснять истинные мотивы своего поступка он не осмелился: так от излишних откровений неизвестно за кого сойти можно.

– Видишь ли, Антонио, – сказал Орфано, – я и сам толком ничего не знаю. Однако в завещании моего деда упомянуто имя какого-то Варги из Константинополя. Там же было распоряжение, которое обязывало меня найти наследника и вернуть ему старый и всеми забытый долг, что я сейчас и делаю.

Антонио непроизвольно совершил глотательное движение и, виновато улыбаясь, поинтересовался:

– Неужели он был так богат?

– Кто? – не сразу сообразив о ком идёт речь, спросил Орфано.

– Как это кто? Я о своём уважаемом прародителе спрашиваю!

Голос Антонио стал вдруг твёрдым, требовательным, и взгляд оказался с прищуром, – что немного настораживало.

«Интересно, – подумал Орфано, – а если бы я назвал другое имя, он бы и его вспомнил?»

– Не думаю, – уже вслух ответил Орфано. – Да и не всегда долги измеряются в монетах. Нельзя, друг мой, деньгами оценить услугу, после которой, допустим, кто-то вопреки обстоятельствам остаётся жить и здравствовать. Так, видимо, было и тогда. Но знаешь, похожей услугой отплатить я не могу, да и в голову ничего не приходит. Так что, бери деньгами, пока я чего-нибудь не придумал, да на том с делом и покончим.

О долге в завещании, разумеется, ничего сказано не было. Да и кому, как не Орфано, этого не знать: ведь сам на себя те завещания отписывал, – примерно, через каждые пятьдесят лет.

Антонио настолько осмелел, что позволил себе усомниться в компетенции человека, который только что его облагодетельствовал. И он решился на совершенно неуместный вопрос, что не в его пользу показалось.

– Я столько лет вас знаю, но разрешите спросить: а кто вы на самом деле?

Орфано ничего не оставалось, как сказать правду – чего уж там.

– Советник я, да и все мои деды, прадеды и их деды были советниками.

Знал бы Антонио, чьим советником был Орфано...

Глава 3

До поры Советника решено было не перегружать рутинной повседневных забот. Его, молодого да раннего... одним росчерком раскалённого пера шеф отправил в измерение, аналога которому пока ещё не было, то есть в настоящее время.

«Роллс-Ройс», парочка «Феррари», сногшибательная вилла в итальянском городке Пезаро и берег Адриатического моря недвусмысленно подчёркивали статус молодого беса. На настоящий момент ему не стукнуло и тысячи годков – совсем немного осталось до совершенноголетия.

Ко всему движимому и недвижимому имуществу прилагалось: и немалые счета в различных банках, и услуги ювелиров и прочее, прочее... и прочее. А вилла, что прилагалась – было не что иное, как небольшой старинный замок.

До недавнего времени замок казался заброшенным, мрачным, необитаемым. Но чтобы не портить отношения с местными властями, приложив некоторые усилия, ему обновили фасад и облагородили прилегающую территорию – и внешний вид древнего строения в корне изменился: стал довольно приятным для обозрения и славного времяпровождения; а заменивший прогнившие внутренности стилизованный под старину интерьер делал многочисленные комнаты вполне пригодными для проживания и оба зала – для светских приёмов и, без посторонних глаз, разгульных вечеров и ночей.

Официально замок «Орфан» числился на балансе «конторы», но на деле хозяином всегда оставался Советник. По слухам владелец замка был совсем не беден, но из года в год – с тех самых времён, когда туман средневековья непроницаемой пеленой уже покрывал европейскую равнину – от стен замка регулярно сыпались слёзные депеши. В тех посланиях недвусмысленно раскрывалась вся неприглядно-горькая правда о бедственном положении рыцарской братии и недостаточном финансировании задуманных во славу церкви рискованных предприятий. Но руки у начальства всё как-то не доходили, да и любая финансовая помощь Советнику показалась бы несерьёзным занятием. Нет, припоминается, в замок иногда присылались подарки от какого-то малоизвестного правителя. Но всё это делалось скорее для проформы и без афиш, то есть для отвода любопытствующих глаз.

Но среди сотрудников конторы были и такие, кто догадывался и даже тайно докладывал, что каменные подвалы замка «Орфан» – аж доверху! – набиты драгоценностями и благородным металлом. Доносы и неодобрительные суждения, хоть и имели под собой некую почву, были несколько преувеличены и озвучивались больше из зависти.

Справедливости ради стоит отметить, что кое-кто из демонов знал о богатстве совсем не понаслышке. Под личным руководством Советника небольшая команда сотрудников «конторы», заскучавших от повседневной рутины однообразных дел, не раз участвовала в сомнительных операциях, которые, не мудрствуя лукаво, стоило бы называть обычным разбоем.

И сколько же проклятий на головы таинственных похитителей извергалось из глоток потрясённых пиратов, когда обнаруживалось, что клады – обычные, так сказать, сбережения на близкую старость – с таким трудом добытые и с поразительной хитростью запрятанные, оказывались вдруг совершенно пустыми!

А что говорить о захваченных кровавым абордажем каравеллах, когда среди бела дня непостижимым образом ослепительно белые паруса бесследно исчезали вместе с командой. А что говорить о возмездии, когда никаких следов нельзя было найти ни на волне, ни в тёмной глубине океана – и сколько ни пытай завистников, и сколько ни развешивай предателей на многострадальных реях, исполосованных следами от окровавленных верёвок и просоленных

канатов? А что говорить об истрёпанных штормами и истерзанных ядрами вражескими кораблей парусах, прикрывавших засыхающую на палубе кровь и бездыханно висящие над пучиной океана изувеченные тела?

Советник давно – лет сто, наверное – как не заглядывал в подвалы. Но мир стал другим – жёстким, не прощающим ошибок. Советник понимал, что в настоящее время финансовая система в корне изменилась: камешки и металл, как платёжная единица, вышли из моды. Вот почему немалая часть камней – но только тех, что не имели имён и не были известны миру – превратилась в акции и денежные знаки, солидным грузом осев в хранилищах самых серьёзных европейских банков. В общем, он имел всё, чего только душа пожелать может.

Ко всему прилагалась и неполная дюжина секьюрити.

До недавнего времени дюжина оставалась в полном составе и чувствовала себя вполне комфортно. Но как-то, уже в настоящем времени, пришлось дюжине принять неравный и – непонятно даже с кем? – довольно-таки кровопролитный бой, отчего личный состав охраны оказался недоукомплектованным. Поиски нападавших ни к чему не привели, а о причине такой дерзости Орфано мог лишь догадываться.

Честно говоря, Советник лишь делал вид, что сам он ничего не решает, и повторял, что всё решили за него – тот, что свыше. Разумеется, Советник явно лукавил, но при случае с негодованием отметал гнусные наговоры как беспочвенные; да и начальство на все его проделки просто-напросто закрывало глаза. Ну а кто и на чём нагрел руки... так это ещё доказать надо.

Подобная нечестность (случай, между прочим, среди демонов крайне редкий) у истинных профессионалов своего дела вызывала определённое недоумение, а местами и недовольный ропот. Хотя всем непонятливым или не к месту сомневающимся в достаточно мягкой форме и даже без физических расправ было объяснено, что такой талант (а имелись в виду финансовые аферы и доскональное знание банковских подоплёк) есть большая редкость. Да и нужно ли что-то доказывать, когда невероятную прозорливость Советника (а он мог безошибочно предугадывать не только начало, но и последствия каких-либо событий) переоценить не представлялось возможным. Но именно эти его качества были необходимы «конторе» для выполнения весьма сложных и трудных заданий, какие обычным демонам не по плечу. Так или иначе, а всем недовольным сложившейся ситуацией рекомендовалось попридержаться свои «говорилки».

Ну, конечно! Он и образован, и молод, и женским вниманием не в меру избалован, видите ли...

Грезиль, которому после многих лет фатального невезения всё-таки доверили безопасность Советника, высказывался о подопечном крайне нелицеприятно: «Я бы такого к серьёзным делам и на дух не подпустил» – в общем, чуть ли не до скандала. Но обличающие слова звучали только в узком кругу единомышленников, почему «высшая инстанция» болтовню, ненужную, пропускала мимо ушей, почему никаких репрессий, на удивление, и не следовало.

Несколько лет назад Советнику была поручена некая миссия, о важности которой говорил тот факт, что и делать-то ему ничего особенного не придётся. Но кто бы поверил, что всё так просто? А приказано было, всего лишь, найти одну вещь, похожую на иконку, увидеть её и, убедившись в сохранности, доложить об исполнении. Всего-то? Но в том и заключалась странность миссии: единственно Советник, и никто другой, мог опознать ту вещицу. А где и когда он мог это видеть – о том ни слова. Иначе говоря, «...разберёшься на месте, на то ты и Советник». Прямо так сказано и было.

Начальству всегда виднее. Вот потому, что начальство видит дальше и глубже, Советник и не стал спорить. Да только кто, хотелось бы знать, расхлёбывать будет, когда не свяжется чего?

Ну, это понятно кто станет наследником Германа; понятно, что Экзарх не даст его в обиду; понятно, что Жоржик и вся история с иконкой – это не просто совпадение. Но если по-хорошему, то кое-кому и совесть иметь надобно – что, подождать нельзя, пока мальчишка ума наберётся?

Однако приказы желательно выполнять в точности и с усердием, – особенно, когда инструкции получены и на помощников пальцем указано. А ещё... было предоставлено неоспоримое доказательство, посмотрев на которое Советник совсем пал духом: никак не мог он ожидать, что Жоржик и Михаил – одно лицо!

Детство Михаила он помнил плохо – ровно до тех пор, пока они не оказались на одной ступени власти – но фотография Жоржика невольно воскресила в памяти до боли знакомые черты брата. Совпадение?

Времена меняются. Не думал Орфано, что через тысячу лет ему упрёк будет показан.

Глава 4

Ноги сами занесли его на диван. Сначала несмело, затем всё выше и выше выпрыгивал Жоржик над его просторами, всё чаще и чаще воинственный клич десятилетнего фальцета перемежался со стоном застоявшихся пружин.

Когда же, взлетев недозволительно выше спинки дивана, он подтянул колени к подбородку и прямо-таки рухнул на изрядно уставшие пружины – вот тут-то его и озарило! Крик, полный боли и возмущения, нарушив спокойствие комнат, пронзил степенную тишину старого особняка.

Знал ли он, что жизнь, как и всякая медаль, имеет две стороны – друг от друга отличные и прямо противоположные.

Час тому назад Жоржика беспардонно выдворили в соседнюю со столовой комнату. Но обижаться ему было не «с руки», потому как выдворен он был не кем-то, а собственным отцом.

Когда Жоржик, расправившись с парочкой кусков бисквитного торта, нацелился ещё и на третий... тогда-то старший Комков, опасаясь, что беседа с хозяином дома и его супругой может затянуться на слишком неопределённое время, сдвинул брови и пристально посмотрел на сына.

Ах, как грозен взгляд отца! Однако визуального контакта не получилось. Рука Жоржика как тянулась к центру стола, так и продолжила поступательное движение... ну, право, неосознанно.

Недолго думая, Комков выразил недовольство посредством недвусмысленной реплики, по сути, лишившей Жоржика «аккредитации» и бисквита.

Подобное неуважение к личности и явное пренебрежение к его гастрономическим привязанностям вызвали у Жоржика двоякое чувство – недоумения и затаённой в глубине души обиды. И возникли у него сомнения: а зачем тогда ходить в гости?

Мирные и доверительные отношения с родителем могли дать трещину, но пожилая хозяйка постаралась уладить дело миром: «А у нас, мальчик, за домом есть садик. А в садике есть фонтан». Сделав небольшую паузу, она добавила: «Но далеко не заходи, пожалуйста».

В отличие от жены Комков старший вовремя сообразил, что Комков младший до подобных мероприятий ещё не дорос и знать ему о выдающихся способностях родителей не обязательно.

Повод для таких действий на самом деле был. Битый час прошёл, как Комковы, меняя друг друга, «в поте лица» старались уверить хозяев в своей добропорядочности и неременном желании приложить все силы и средства для обеспечения их, хозяев, безбедной и тихой старости.

«Интересно, а с чего это они взяли, что старость наша бедна и беспокойна?» – чуть было вслух не высказался хозяин дома.

Снисходительно усмехнувшись, он наклонил голову к плечу и внимательно посмотрел на супругу.

– Анна Ивановна, а как вы себя чувствуете? – неожиданно для присутствующих спросил он.

Время «перевалило» далеко за полдень. Анна Ивановна, глянув на настенные с вензелем часы, подняла брови и посмотрела на мужа. Во взгляде был вопрос: «Скажите, пожалуйста, и сколько раз на день можно справляться о моём здоровье? Одного, думаю, вполне достаточно».

– Да, вроде бы ничего... спасибо, Пал Германович. Я утром и капли выпила, – завершила она и, повернувшись к гостям, улыбнулась:

– Возраст... всё-таки, извините.

Анна Ивановна, не понимая «...и чего ж такого от нас хотят?» посмотрела на супруга. Седая шевелюра, ниспадающая до плеч, показалась ей сегодня белой больше, чем обычно. Тут-то Анна Ивановна и надумала малость прослезиться. То ли вспомнила Анна Ивановна прошлые годы, то ли просто так ей всплакнулось.

Окрылённые столь неожиданным успехом благодетели разошлись не на шутку. Судьба манила пальчиком и порывисто дышала в ушко: «Приз, друзья, ваш приз стучится в двери!» И завелись Комковы ещё больше. Ах, какие, право, у них оказались славные голосочки! Ещё бы, особнячок старинный случайно завалился. Не упустить бы...

Некоторые подвижки в этом предприятии уже наблюдались: не сразу, а именно с того самого момента, как отлучили Жоржика от десерта.

Комковы искренне возмущались настоящим положением дел. И почему люди не понимают, что в наше время совершенно невыгодно – и неразумно, вовсе! – иметь такой большой дом и сад, тоже? И не суть важно, что сад маленький. Да и какая это жизнь? Ну, надо же понимать, всё-таки, где и в каком времени мы находимся: да при такой-то «бешеной» инфляции, да при таких-то немислимых тарифах? И главное – в таком-то возрасте! А они – они, видите ли, имели...

Про возраст, конечно, они зря намекали, то есть поспешили немного – это у них как-то нехорошо вышло, о чём и говорить неловко: ложка дёгтя в «свою же бочку мёда». Но слова звучали убедительно, красочно и почти без какого нажима и умысла. По их рассказам преимущества тихого и беззаботного проживания в одно... ну, по крайней мере, в двухкомнатной квартире не могут вызывать – «...да ни в коем случае! и ...да ни, боже мой!» – никаких сомнений.

А получалось-то у них всё неверно, неуклюже... словно укоряли стариков в чём-то. А получалось так, что не по совести дело делалось.

Глава 5

По причине древнего возраста особняк старался не вникать в перипетии страстей и дрызг, то и дело возникавших у его стен. Вся нынешняя суэта, возня казались настолько неуместными, что и размышлять об их происхождении не представлялось приличным и достойным умственных усилий.

Оставаясь в полудрёме, он с ностальгией о былом каждодневно предавался воспоминаниям столетней давности.

Многое изменилось с тех пор, когда народ, издревле населявший эти земли, оставил обетованные долины и ушёл в горы.

Ураган – зародившись там, где начинается день – собрался несметной силой у восточного моря и стремительно, ослепляя блеском кривых мечей, заглушая крики несчастных ударами множества копыт, пронёсся над равнинами предгорий к западному морю. Презрев обычаи и вековые устои чуждого ему народа, натворил он на пути своём немало бед. Затаптывая копытами берега кристально чистых родников и рек, опустошая плодородные нивы, пронёсся он над землёй без жалости и сострадания, унося в небытие свободу и жизни законных обитателей этих мест.

И не было сил в одиночку защищать свои селения. Поэтому, не желая неразумно терять детей своих и жён и вымирать по чьей-то злой воле, ушли люди под защиту поседевших вершин.

Возможно, что решение это оказалось единственно верным. Крутые склоны гор, лабиринты тёмных ущелий и хрупкое равновесие белоснежных шапок, готовых в любой момент превратиться в безжалостного врага, стали пред степным завоевателем неприступной крепостью. Но время, отгородившись зубьями скал от остального мира, как это ни прискорбно, замерло, остановилось – и невозможно теперь судить: за какими стенами и чьей «спиной» покойнее.

Под строжайшим генеральским надзором, но согласно «высочайшим указам» царствующих особ, невдалеке от древних поселений – не затрагивая ни память, ни захоронения – возводились защитные валы, строились дороги и селились северные люди.

Приглашённые из-за границ архитекторы, отмечая обязательные сплетни о стяжательстве и обмане, из какого-то захолустья сотворили образец культурного цивилизованного анклава. Огранив природные достоинства этих мест умением, знаниями и трудолюбием, северные люди строили город.

Не уступая «западным» примерам – а в чём-то и превосходя... – и не оглядываясь на постоянные претензии со стороны южных соседей, город поднимался и рос, пуская вечные корни в подножия окружающих гор.

По прошествии некоторого времени современникам уже трудно было представить себе другое место для отдыха и приключений. А где ещё могло быть лучше? Из строк письма родным и близким слышалось одно удовлетворение: «...он есть как райский уголок, богатый живительными источниками и восхитительным воздухом горных вершин!» И поправлялось здесь здоровье не только физическое, но и духовное.

Раннее летнее утро. Утомлённые от полуночных застолий, балов и непомерного испития нарзанов завсегдатаи «райского уголка» всё ещё нежатся в постелях. Первые солнечные лучи касаются подушек, перепрыгивают на лоб и щекочат ресницы, заставляя натянуть одеяло до макушки, чтобы в сладкой полудрёме томно забыться на какой-нибудь ещё часок.

Но были и те, кто полагал для себя совершенно обязательно забраться на недоступные скалы и с высоты птичьего полёта хотя бы раз – и я тут был! – обозреть панораму просыпающегося города. Яростно зевая и поёживаясь от свежего ветерка, наиболее стойкие представители курортного сообщества уже с первыми рассветными лучами упорно карабкались по склонам окружающих гор. Предвкушение радости от непременно неизгладимых впечатлений и, бесспорно, открытий воодушевляло их как ничто другое.

Не менее часа потратив на борьбу с цепляющимися за одежду ветками и колючками, но ухитрившись без особых несчастий проскользнуть сквозь густые заросли терновника, упрямые скалолазы могли считать восхождение свершившимся делом.

С неизмеримой гордостью установив стопу на ближайший камень, подбоченившись и поднеся ко лбу ладонь, можно было приступать к обозрению.

Правда, не одолев и середины склона – исцарапанные, уставшие, но счастливые – они, как оказывалось, достигали своей цели.

Пред взором, восхищая и поражая величием, из какой-то глубины вставала цепь неприступных вершин, простёршаяся от края и до края близкого горизонта нагромождением скал, снежных куполов и нахмурившихся тёмно-зелёных ледников.

Не соразмерив грандиозность представления с впечатлительностью некоторых натур, вид этот случайно мог и напугать – конечно же, что и такой возможен казус. Но и одного взгляда на красоту природы было достаточно, чтобы разбудить в утомлённой душе дремлющие до сего дня неведомые порывы чувств и тщательно скрываемые от посторонних глаз таланты.

А от волнений, страха высоты и невозможной усталости в объёмных заплечных сумках для борьбы с подобными недугами обязательно присутствовало самое надёжнейшее средство, – это и копчёный окорок, и южная зелень, и парочка запотевших бутылочек чего-нибудь французского...

Солнце подбиралось к зениту, краски величественной картины постепенно истощались, меркли, затягивались на горизонте полуденной пеленой тёплого воздуха. В это время дня рассмотреть что-либо в той дали уже не было никакой возможности. Подобно миражу вершины гор исчезали, закрывались от глаз восхищённых зрителей белоснежными облаками.

Но и предаваться глубокой печали столь грустному повороту дела у восходителей не было особенных причин – могли быть только некоторые недоразумения.

Ох уж, эти дамы!

– Ну, где, скажите, мы же брали... тот же штопор? Он забыт остался?

– А Вы, поручик, как гитару вдруг забыть могли, когда ещё вчера уверили компанию в отменном времяпровождении?

– Ах, да! У вас всегда: то ложная тревога, то, в самом деле, горцы разошлись...

– Ах, думаете, вам с рук сойдёт?

– Мы всё же дамы?! Тащить на гору... и с утра! Простите, продолжать... известно, можно долго.

– Но вечером в «вокзале» поквитаемся мы с вами, и не отвертитесь...

– Ох, эти нам мужчины!

– Позвольте, где же вилки и ножи?

– Нам путь обратный предстоит – всё вниз нести?

– Да как же можно?!

Как хорошо, когда на восхождении присутствуют ещё и дамы. Какое счастье и соблазн! Они так веселы в начале: смеются, радуются... точно дети. К концу подъёма многое менялось – и смех не слышен и упрёки в сторону мужчин так и готовы с языка сорваться.

Заметить стоит, что в молчании мужском невысказанность та, однако, оставалась. Ну что тут можно возразить, когда от самого рожденья и кроме перелесков да оврагов подобное увидеть представляется не часто, а тут какие-то упрёки? Но напряжение сие снималось неизменно за «столом», а после...

Через какой-то час сосуды французского происхождения недвусмысленно просвечивались унылой пустотой. Запитые их содержимым копчёный окорок и зелень благополучно перекочёвывали в желудки восходителей. Да, всё когда-нибудь кончается.

Тогда-то, к всеобщему согласию и удивлению непосвящённых, из дорожной сумки доставался весомый аргумент: внушительных размеров глиняный кувшин, что говорило в пользу неунывающих мужчин. И восторгу от подарка не было предела: вино от местных виноградников – «...а мы не знали?!» – оказывалось ничуть не хуже заморского.

Тосты, эпитафии и другие упражнения в изящной словесности так и лились рекой, не оставляя от испорченного было настроения камня на камне. И вскоре после съеденного и выпитого наступала леность, комплименты дамам получались всё откровеннее и прозрачнее, а прошлые обиды и несчастья выглядели смешными, не стоящими даже малого внимания.

Правда, компанию – как-то вот и почему-то... – смущала перспектива спуска к обетованным низинам. Явно переоценив собственные силы – что в потреблении напитков, что в скалолазном мастерстве – искатели приключений исподволь посматривали в сторону крутой каменистой тропы, преодолеть которую им неизбежно предстояло. Тропа же, каким-то странным образом изменив направление и засыпавшись множеством неприлично неотёсанных камней, казалась намного круче и извилистей, чем при утреннем подъёме, что при ближайшем рассмотрении навевало тоску.

Городские строения, – вот только взор без страха вниз перенести – казались так близки, а мягкая постель настолько желанна, что не было никаких сил думать о предстоящем спуске и катящихся из-под ног камнях. Но внизу были друзья, соратники, подруги соратников, подруги подруг и уютные особняки, владельцы которых, ожидая возвращения постояльцев, готовили тёплую воду, тазы и остальное прочее – всё, что так необходимо для благополучного исхода мероприятия.

Пусть и с трудом – и с ахами и вздохами, и с непременными падениями в объятия услужливых кавалеров – добирались-таки восходители до границ, где выпрямлялась тропа, постепенно превращаясь в каменные плиты, где сердцу можно успокоиться, где посмеяться над недавним приключением представлялось всем никак не лишним.

Казалось, сам воздух, пропитанный дурманящим запахом цветущих каштановых аллей, обнимал спустившихся с «небес». Он нежно успокаивал, таинственно нащёптывал в растрёпаные причёски что-то весьма забавное и настойчиво напоминал о прелестях скорого вечера – словно умолял скорее позабыть о недавних трудностях и тяжких испытаниях.

Старания не оставались без ответа, усталость проходила без следа.

Часы приготовлений пролетали как минуты.

И вот, наконец, над городом вспыхивали звезды, и поднималась Луна, заливая аллеи и парки каким-то особенно загадочным светом.

На балах – что в цветочных галереях, да и в питьевых – суетились, прихорашивались, выпытывая правду о своей причёске или почти французских духах, незамужние и не совсем... столичные красавицы.

Но там случалось, правда, всякое.

Присутствие дам неизбежно приводило многочисленных поклонников в некоторое состояние, иногда грозившее непредсказуемыми последствиями: то тут, то там вспыхивали необязательные ссоры, которые по большей части заканчивались почти дружеским рукопожатием, но так случалось, что доходило даже до дуэлей.

И проходили дни. Время, отведённое для развлечений – знакомств, отчаянной любви, разочарований горьких, неутешных слёз – каким-то непостижимым образом просыпалось сквозь пальцы; сжималось сердце, взору странно, в смятении была душа, как вдруг зелёные аллеи вбирают в листья жёлтые и красные тона, расцветиваясь так неожиданно.

А в паузах всей этой суеты ещё минуты надобно найти для излечения недугов разных. Задумывалось это сразу, вроде по приезду, но было как-то недосуг, а до источника отчаянно не близко. А воды те, что в двух шагах, лечебным действием, конечно же, не обладали – ну, может быть, совсем чуть-чуть, на что и тратиться не стоит. Ну что ж, не удалось тот план осуществить. Теперь на завтра – в год... другой – приехать было бы неплохо, да и тогда нарзанами всерьёз заняться.

Но вот... совсем уже пора.

Осенний мелкий дождь всё чаще напоминал о тёплых столичных квартирах. Курортное сообщество, как спохватившись, гудело как растревоженный улей – кто же думал, что так скоро осень? Подыскивались лучшие экипажи. Мысли все в дороге, на сборы не хватало дня. Но обнаруживалось, что всё достойное намеченных претензий уже заказано – и останавливались на том, что есть: и с ветхим верхом и не с, желательно бы, мягкими сиденьями.

Определялся день отъезда. В назначенный день и час прибывала охранная команда казаков и длинная кавалькада экипажей, обязательно задержавшись на пару часов, медленно выползала за границы города.

Щемящее чувство расставания внезапно охватывало отъезжающих. Глаза наполнялись слезами, и воспоминания о прошедших днях сжимали сердце, горько-сладким комком подступая к горлу.

Возницы же, наоборот, думали о настоящем: о рессорах, о размытых осенними дождями и разбитых донельзя дорогах.

Вернувшись в столицы, обретя покой и позабыв о, так сказать, невероятных трудностях, недавние восходители с нетерпением дожидались какого-нибудь бала или просто приёма. Именно там, с дрожью в голосе и воздыханием в груди, можно поведать оседлому и не выездному другу и обязательным его гостям о южном темпераменте, жестоких схватках и немислимых потерях – как с той, но так и... с этой стороны!

И вспоминались страшные минуты, когда крутые склоны гор вдруг засыпались градом – природа, знаете ли, так шутить изволит. А вот бывали случаи, когда и сквозь кусты – да что там... сквозь столетние деревья! – нещадно расщепляя ветви и стволы, летели пули!

Ну как же при таком рассказе без злобных горцев обойтись?

Рассказчик, раскрасневшись и в пылу, размахивал воображаемой саблей и целился из не забитого порохом дуэльного пистолета в стену. Цель была ясна: гобелен, где силуэт в углу с кинжалом и ружьём маячил – «...там за кустом! Хватайте! Что, не видели?»

Эх! Нет коня, но за седло и венский стул сойдёт. И жмурились глаза от страха, и как хотелось там же побывать!

Но вот уже зима, и всем всё рассказали. Впереди долгие месяцы ожидания – ожидания весны и новых приключений.

Теперь, придвинув кресло к камину и накрыв колени пледом, можно доверить памяти самой отметить особенно приятные картины лета.

А за окном всё падает и падает снег. Где-то недалеко слышится нешуточная перебранка. Кучер – чья повозка, похоже, безнадежно зарылась в сугробе – полагаясь на скорое разрешение проблемы, ругался с местным дворником. Тот же, на беду, отрешившись от морозной действительности, возвращался из трактира. Но что против стихии может выставить обычный двор-

ник? С трудом осмысливая претензии, он почёсывал бороду и заплетающимся языком пытался доказать, что эдакие горы ему не по плечу – такое и до Пасхи одному не разгрести... втроём, конечно, было бы сподручней. Шагов за двадцать, отвернувшись, соблюдая должный порядок и дистанцию, за спорщиками краем глаза посматривал кварталный городской, однако вмешиваться в спор по каким-то только ему известным причинам не торопился.

Ну, нет, сегодня ни к кому не едем.

И почему-то картины подвигов пред взором не вставали. Забавно, но из памяти всё больше виделся небольшой особняк, что стоял на Царской улице. По сути, ничего особенного в том особняке и не было. Однако вечера, проведённые в небольшой гостиной, доставляли не меньшее удовольствие, чем ежевечерний променаж по городским аллеям и, тем паче, утомительное присутствие в различных благотворительных обществах. А здесь, в тесной компании всегда были рады каждому, кто мог прийти и почитать что-то новое и хоть немного талантливое.

Чем-то особняк не был похож на своих собратьев, но чем... – это и объяснить невозможно. От таких же строений – сказать по правде, несколько замшелых – он и теперь ничем не отличался. Глядя на происходящее вокруг своих стен, особняк впитывал атмосферу прошедшего времени и времени нынешнего – запоминая и оценивая.

Глава 6

Жоржик вышел в соседнюю комнату. Через окно, на всю длину стены и высотой до потолка, был виден небольшой, но уютный сад.

Открыв дверь, Жоржик по деревянным ступеням спустился к небольшому бассейну, бордюр которого был выложен светло-серыми камнями – в меру угловатыми и плотно друг к другу подогнанными.

Вода, некоторым образом поднявшись на высоту – где-то... не ниже роста взрослого человека – прозрачно искрилась на солнце и, переливаясь всеми цветами радуги, с вершины каменной горки падала вниз. Разойдясь широкой полосой по среднему с углублением карнизу, вода не спеша скатывалась к плоским нижним камням, где, рассеиваясь на мельчайшие капли, оправлялась дальше к зеркальной глади маленького бассейна.

День близился к вечеру. Солнце постаралось нагреть вокруг всё, что только можно нагреть за день: и камни бассейна, и жёлтый песок на дорожках – словом, постаралось до такой степени, что было видно как тёплый воздух, медленно преломляясь и поднимаясь вверх, на свой вкус изменял контуры кустов и деревьев.

Став на колени, Жоржик зачерпнул пригоршню воды, поднял руки и развёл ладони. Какая-то часть влаги устремилась обратно в бассейн, большая – потекла по запястьям к локтям, а что осталось – замочила подмышки. Жоржик пискнул, поёжился и мокрыми ладонями легонько похлопал по щёкам. Вытирать капли он не стал, так приятнее.

Жоржик поднялся, отряхнул прилипший к джинсам песок и направился в глубину сада. Песчаная на совесть утрамбованная дорожка не позволяла оставлять на себе следы – да если таковые и могли остаться, то лишь при очень большом желании и усердии. Через несколько шагов дорожка поворачивала, где, закрывшись от солнечного света листьями деревьев, терялась в густых зарослях. Можно было пойти напрямик, но Жоржик не решился идти неизвестно как: прорываться сквозь кусты, отбиваться от низко нависших веток – где с яблоками, а где и со спелыми грушами; почему и проследовал именно в том направлении, которое указывала дорожка.

Впереди появилась преграда – высокий забор. Если бы Жоржику очень даже захотелось рассмотреть что-либо по другую его сторону, то для этого у него не было никакой возможности. Забор был сделан из металлической сетки, ячейки которой, как сроднившись, до самого верха переплетались с листьями, колючками и гроздьями бутонов дикой розы. Вряд ли что из этой затеи могло выйти – нигде не перепрыгнуть и не перелезть.

Рука, без малейшего на то намёка и указаний, решила проверить на прочность возникшую преграду; не привычные к подобному обращению шипы, тут же объяснили исследователю, для какой цели они предназначены и чему были обучены.

Жоржик отдернул руку.

«Ну и ладно, – подумал он, – здесь обязательно найдётся что-нибудь занятнее забора».

Отвернувшись, Жоржик поднял голову и посмотрел вверх.

Кроны деревьев были густыми и высокими. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь сплетение ветвей, листьев – и только малая часть его могла добраться до кустов малины, смородины и неприхотливого крыжовника. Всё вокруг казалось таинственным, необычным.

«Ух, ты!» – удивился и обрадовался Жоржик. Ему казалось, что над головой раскинулся шатёр. Он поднял руки и усилил картину восклицанием: «Парад-алле! Цирк под зелёным куполом! Впервые на арене...»

Развить идею ему не дала огромная переспевшая груша. Она пролетела в сантиметре от его носа и, чавкнув, шлёпнулась рядом с сандалиями. Жоржик прищурился и снова посмотрел

наверх. Оказалось, что посмотрел он вовремя: ещё одна груша, гораздо больше первой, пикировала прямо на него.

Заходя на цель, она пикировала довольно-таки расчётливо, решив – и кто бы сомневался! – окончательно перечеркнуть нудное висячее прошлое одним искромётным сочным шмяком.

Жоржик успел отпрыгнуть в сторону, почему и не дал перезревшему камикадзе самым нечестным образом увековечить в истории собственное имя.

– Кто это там кидается?! – возмущению не было предела. – Что, делать больше нечего?

Ответа не последовало. Никто в столь откровенно неблагоприятном поступке признаваться не хотел, хотя этот «никто» там точно был, и Жоржик его почти видел.

Какая-то прозрачная или призрачная фигура сидела на самой верхушке дерева и трясла ветку с поспевшими плодами, надеясь, видимо, добиться желаемого результата, то есть непременно попасть в Жоржика. Может, кому-то и интересно, но Жоржика такая перспектива не устраивала. Не дожидаясь следующей атаки, он втянул голову в плечи и, так и не успев рассмотреть нападавшего, резвым аллюром помчался к дому. С первых же метров бегства стало понятно: если бежать не по дорожке, а напролом, то без ссадин и шишек не обойтись – совершенно явное обстоятельство. Но сейчас Жоржику было не до мелочей.

Ни водная преграда – в лице бассейна, ни горные склоны – в лице ступенек не стали для него сколько-нибудь достойным препятствием, а мокрые сандалии и ушибленное колено – так это не считается.

Лишь оказавшись под прикрытием стеклянной двери, которая, в знак солидарности грозно проскрипев, преградила дорогу возможным преследователям, Жоржик перевёл дыхание и осмелился оглянуться назад. Посмотрев на сад, на дорожку, где никто так и не появился, он успокоился. Погони не было. Уже хорошо...

В дверном замке оказался ключ. Жоржик быстро его провернул. Подёргав за ручку, он убедился, что снаружи дверь не откроешь. Но для большей безопасности Жоржик ретировался в соседнее помещение.

Глава 7

Большая, тремя окнами в сад, комната не претендовала на современность интерьера.

В ясную погоду, когда небо не затягивалось пеленою облаков, солнце, выбрав подходящий момент, через большие окна с интересом заглядывало в комнату. На первый взгляд окна могли показаться старомодными и не из настоящего времени. Верхние половины рам выделялись затейливо собранными в единое целое кусочками разноцветных стекляшек, что очень походило на ляпы смешливого художника, которому «помахать» кистью – одно удовольствие. Под стать им были и широкие подоконники, сохранявшие под лаком природную структуру дерева и по краю затейливую резьбу.

Проследив за следом резца мастера, корпевшего когда-то над обычным куском дерева, можно, заглядевшись, забыть о времени и месте, где довелось оказаться случайному свидетелю...

Проникая сквозь густо сплетённые кроны деревьев, затем и через оконные стёкла, как из озорства испачкавшись в палитре, солнечные лучи цветными пятнами перепрыгивали друг через друга – то сбиваясь в одно большое расплывчатое пятно, то рассыпаясь, кто куда.

У каждого было своё занятие: одни пересчитывали замки комода, другие просто скользили по его матовой поверхности. Кто-то – из этих же непосед – никак не мог нарадоваться большому дивану, без усталости перепрыгивая с одной его стороны на другую. Как бы случайно, что, безусловно, доставляло им превеликое удовольствие, хихикающие лучики успевали расцветить на стене картину Леонардо да Винчи и самое на этом полотне главное – грустную улыбку «Дамы с горностаем». Правда, это была лишь копия, но как того и требуют определённые правила, картина отличалась от оригинала размерами. Заносчиво контрастируя с тёмными тонами холста, обрамлением его горделиво выступал золочёный с чернением багет – неизвестно кем, но довольно искусно выполненный.

Эпоха Ренессанса, где никогда уже не быть, стены средневекового города, дома с окнами-бойницами и скучающая в них темнота комнат, окутанные тайной тех событий – эпохи путешествий, неожиданных открытий, страданий, бегства от двора, который прошлые заслуги забыть успел, пресытившись...

По-разному можно воспринимать время и обстоятельства, в плену которых жизнь неумолимо продолжалась.

Казалось, молодая женщина была чем-то недовольна; казалось, что мир несколько ей не интересен – и только по этой причине демонстративно отвела она взгляд свой в сторону. Заботливо удерживая от излишней прыти серебристого горностаю, Дама воспринимала окружающий мир не более, как в отведённых ей судьбою рамках, которые, навсегда оградив рисованный мир художника от «жестокой» реальности, позволяли довольствоваться лишь малым – созерцать и быть судьбе покорной.

А была она в том возрасте, когда весенний аромат цветущих деревьев и брачное щебетание пернатых призывно щекотали не застывшие ещё чувства и бессовестно тормозили кладовые тайных устремлений. Именно весной у женщин – ну, как-то вдруг, совсем неожиданно и без всякого на то, казалось бы, повода – наступал период воздыханий, мечтаний и стенаний. Сердца, ранимые, развернув амурные крылышки, томно и загадочно порхали над зелёными лужайками, среди дубрав тенистых и в прохладе берегов реки пологих; а там и разноцветные букашки – всё ползают, куда ни зря, с травы росу отряхивая наземь. Все чем-то заняты.

Что делать в скуке и тоске, когда мужья – чья молодость в делах, заботах повседневных пролетела – забыв о почтенном возрасте и предательски подгибающихся коленях, добро-

совестно трудились над упрочением семейного благосостояния, надёжно спрятав подозрений семя в глубинах «исстрадавшейся души».

Как тяжелы они, тягучи, часы отсутствия, вдали.

Но вот напасть-то, какая: при встрече с каким-нибудь нахальным повесой – невыносимо юным и до неприличия прытким! – такой вот достопочтенный муж тотчас забывал о врождённом благородстве и вере в чью-либо добродетель. Добропорядочный синьор тут же заполнялся чувством подозрительности и к стыду, осознавая бессмысленность действий своих, проникался неодолимым желанием, бросив все дела, вернуться к семейному очагу. Просто так желал он вернуться – на всякий случай... и немедленно.

А в комнатах, хранящих тайну, недомолвок темноту, возможно ведь случиться как-нибудь всему? И что там стены, что надёжные у входа люди? Где ж верных слуг теперь найти?

Какой-то нудный «червячок» так и зудел, не умолкая, зудел и зудел, нашёптывая престарелому синьору гаденькие непристойности. В районе печени и желчного пузыря всё росло и росло, больно распирая трухлявые внутренности, ширилось и рвалось наружу тоскливое чувство обиды. И теперь никакая сила не могла остановить его и помешать в совершении недостойного поступка: не ко времени вернуться домой к юной затворнице, которая должна (бы!) безропотно и безысходно скучать о муже, истязая душу свою в покаянных молитвах и сокровенных мыслях о супружеской верности.

А как на всё это смотрела Дама, через какую призму? Неизвестно. Тот занавес опущен навсегда.

Горноста́й же никак не смотрел на перипетии людских отношений. К Даме он относился немного с иронией, но по-дружески снисходительно.

Больше всего на свете его волновала картина, что висела на противоположной стене. Кажется, Рембрандт написал? Горноста́й не в силах был отвести взгляда от этой красоты! Скрывая чувство досады, он любовался творением рук человеческих – любовался днём и ночью и... втайне завидовал.

Ещё бы! Ночь, улица средневекового города и – какое счастье! – целый отряд воинов.

Молодец, дружище Харменс!

А вот к Леонардо у серебристого зверька имелись, между прочим, некоторые претензии – по его твёрдому убеждению, вовсе не безосновательные и весьма существенные. Горноста́й был уверен, что для такого индивидуума как он, то есть милого, доброго, сильного и красивого – а в отдельных моментах и импозантного – больше подошёл бы какой-нибудь пейзаж с лесом и стайкой неугомонных сородичей.

Но главное, уважаемый Леонардо, – не объятия же, смешно подумать, женщины, пусть даже и очень привлекательной.

Правая стена также не пустовала. Над комодом, собранного из «красного» дерева, потемневшего от времени, в золочёной раме блистала скромным, но отнюдь не бедным одеянием Жозефина де Богарне.

Достоинство, с которым она когда-то позировала, недвусмысленно подчёркивало её принадлежность к кругам далеко не среднего сословия. Но стоит ли кому-то рассуждать: как долог или быстротечен век на вершине почитания, иль у подножия холодных плит в забвении застыть? У каждого человека есть своя мера времени; в любом случае (а тринадцать лет особого положения не могли пройти бесследно) – это целая эпоха.

Так и вины её в вынужденном уходе с императорского поста не было никакой. Господь, видите ли, где-то недоработал. В суеете небесных дел совершил он – скорее, что по недосмотру – одну ошибку: забыл осчастливить Жозефину и императора наследником. Проглядел, уж извините...

Жозефина в вопросы философические и жестокие за ненадобностью не вникала: во-первых, голова кругом пойдёт, а во-вторых... нет, лучше не связываться, все под Ним ходим, достаточно долго ходим и, если честно, недостаточно долго, как того хотелось бы.

Можно думать, что этот случай – довольно типичный, а в делах политики и государственных совсем не редкий – обязательно станет поводом для обид и презрительного отношения к окружающему миру. Но с Жозефиной этого не случилось.

Предавшись раздумьям, она не сразу обратила внимание на скрип двери, которая вела в сад и «вернулась» в настоящее лишь тогда, когда в комнату, оглядываясь, вошёл молодой человек – совсем ещё мальчик.

Комната наполнилась ожиданием чего-нибудь интересного. Не всякий день судьба одаривает новыми встречами и приятными знакомствами. А жить одними воспоминаниями – это совсем пустое, то есть дело это довольно утомительное и часто с крапинками досады. А тут...

Глава 8

Осмотревшись, Жоржик не нашёл ничего, что могло бы удержать его внимание. Разве... огромный комод, что стоял у противоположной стены. На выдвижных ящиках над замками было прикручено множество ручек, потемневших от времени – то ли медных, то ли бронзовых.

Жоржику всегда нравились различные потаённые места, где можно чего-нибудь спрятать, затем забыть, а потом случайно и неожиданно найти – и всё, что там пряталось, было кому-то и когда-то дорого, но теперь никому не нужно.

Оставляя от невысохших сандалий следы, он направился к комоду.

Верхние ящички никакого сопротивления не оказали, демонстрируя содержимое безбоязненно, добровольно. Альбомы с пожелтевшими фотографиями, аккуратно проложенные меж страниц папиросной бумагой, соседствовали с различных форм и размеров шкатулками. Колечки, рассыпанные бусинки, серёжки, запонки – словом всё, что имеет склонность прятаться, исчезать и теряться, можно было обнаружить именно здесь. И что примечательно, ни серёжек, ни запонок нельзя было обнаружить в естественном их виде, то есть в паре – за редким исключением. Их одиночество, да и сам момент расставания с близнецом могли поведать о каком-нибудь значительном событии.

Не обнаружив в верхней части комода ничего интересного, Жоржик приступил к исследованию самого большого нижнего ящика – с двумя ручками, но с одним замком. Предположив, что можно открыть, наконец-то! какую-нибудь «страшную» тайну, он присел на корточки и потянул ручки на себя.

Ящик немного подался. Приоткрывшись, он показал Жоржику тёмное нутро. Но как только Жоржик осмелился просунуть в мрачную глубину ладонь, ящик с треском задвинулся обратно, едва не прищемив зарвавшемуся исследователю пальцы! В тот же момент, потеряв все точки опоры, Жоржик навзничь растянулся на полу.

Немного полежав, он поднялся, тряхнул головой, потёр ушибленный копчик и с завидной настырностью решил повторить попытку.

Он и не догадывался, какие тучи над ним сгушались! Когда Жоржик снова приблизился к комоду, замок нижнего ящика громко щёлкнул – намекал, видимо, что готов к обороне.

У Жоржика округлились глаза! Однако он рискнул и подёргал за ручки.

Как это? Сам закрылся?

Но и это было ещё не всё. словно по чьему-то приказу остальные замки и замочки (мелочь, а туда же) закрипели, закричали и... сами собой защёлкнулись! Надо же, всё что могло сопротивляться именно это и делало – всё и вся сопротивлялось...

Пробормотав: «Не очень-то и хотелось...» Жоржик демонстративно отвернулся от комода.

Направившись в сторону столовой, он неосторожно заинтересовался большим диваном, который тихо и мирно стоял у стены.

Размеры дивана восхищали каждого, кто пожелал бы присесть, вальяжно развалиться и в истоме отдохнуть – в тишине и прохладе. Размеры, нисколько не жеманясь, напоминали об истинном его назначении; они достойны были и других пространств! Шесть ног – четыре спереди, а две под спинкой – как лапы львиные, надёжно упирались в пол и добросовестно удерживали диван в приличествующем ему положении. Дюжина стальных пружин, изо всех сил перекрученных, который десяток лет старалась никоим образом не навредить издавшей виды обивке. Проявляя чудеса долготерпения и изворотливости, пружины ревностно сохраняли необходимый объём и когда-то задуманные линии и форму. И что для «высшего света» крайне важно, они придавали дивану главное – аристократическую солидность.

Но была у дивана мечта – оставаться незамеченным. Тем более, он не видел никаких причин в какие-либо споры коммунального характера вмешиваться, и по причине далеко не молодого возраста эти его желания были вполне понятны.

Перед Жоржиком в данный момент находился не предмет антиквариата, но предмет чисто спортивного назначения.

Ноги сами занесли его на диван. Правда, за секунду до этого что-то подозрительно хрустнуло. Похоже, не повезло «венскому» стулу, который, частенько находя в лице стены надёжную опору, и теперь доверчиво прислонился к ней, полусонный. И стоял он, как назло, рядом с диваном.

Сначала несмело, а затем всё выше и выше выпрыгивал Жоржик; воинственные крики перемежались с обречённым стоном «застоявшихся» пружин. Когда Жоржик, подтянув колени к подбородку, рухнул на уже уставшие пружины – вот тогда-то и случилось нечто непредвиденное, неправильное...

Одна из пружин, не перенеся – да не в приличном обществе будет сказано – «хамских!» издевательств, взяла и, кажется, лопнула! Взвизгнув, страдалица неммыслимым поворотом изогнулась и, нацелившись в мало защищённое и самое уязвимое место – и хватило же смелости! – с нескрываемой злостью и презрением острым концом завитушки вонзилась в обидчика.

Вопль боли, негодования и оскорблённого самолюбия пронзил степенную тишину старого особняка.

Диван огорчённо вздохнул. Ему было жаль мальчишку: ну, совсем несмышлёный сорванец, этакий.

Остальные пружины не очень-то и расстроились. Все они, как одна, тут же изъявили наитверднейшее желание немедленно повторить сей подвиг Предварительно, правда, оказалось необходимым провести коротенькую считалочку, переключку – вроде того, кто следующий? Минут за пять, глядишь, и управились бы.

Одновременно, что для большего общественного резонанса представлялось наиболее важным, тотчас избранным чрезвычайным комитетом были выдвинуты лозунги: «Диваны – только для отдыха!» и «Слишком много они себе позволяют!» Но кто такие «они» – это уточнять не стали. И правильно, пусть оппозиция себе голову ломает, если делать ей больше нечего. Вот только где эту оппозицию взять?

Стали оглядываться. Кроме венского стула на эту роль никого больше не наблюдалось. Но стул безмятежно спал и никакой политической активности проявлять не собирался.

Глава 9

Дверь с треском распахнулась. Запустив в комнату господ Комковых, она в недоумении замерла. Паника, сопоставимая с истерикой, случилась неопишуемой. Мадам-родительница, с первого шага не разобравшись в ситуации, умудрилась поднять возможности голосовых связок до самого, что ни на есть, предела – где-то, тона на два выше допустимого. А вот сам папаша, не удосужившись подумать о собственном реноме, разразился незатейливым речитативом – всё потому, как ноты ему никогда не давались. Речитатив этот, по сути и незатейливому выражению мысли, рассекретил перед оторопевшими хозяевами безграничные возможности человека в неустанном его совершенствовании.

Анна Ивановна словно окаменела. Высоко подняв брови, она прижала ладони к груди и почтительно перестала дышать. Да, таких «изворотов» она ещё не слышала! Павел Германович, оценив ситуацию, посмотрел на жену и... даже засомневался в её благонадёжности.

Перемена показалась разительной. «Надо же, – думала Анна Ивановна, – а ведь, мужчина из себя такой видный, вежливый, обходительный... очень, а шершавые слова знает... откуда-то?»

Изречения Комкова несколько грубовато коснулись дивана и – непонятно за что – комода, картин и всего дома в целом. Досталось даже хозяевам: а чего они тоже... мельтешат тут.

Милые добрые хозяева молча стояли у распахнутой настезь двери, растерянные, не зная, что и делать? Но всё когда-нибудь кончается. Комков, не переставая разбрасываться эпитетами, вырвал наконец-то из лап «озверевшей» пружины ненаглядное чадо.

«Серафима, за мной!» – приказал Комков, поставил Жоржика на пол и твёрдым шагом направился к выходу.

Сима, миловидная женщина, не «добравшая» до тридцати полных лет, растерянно оглядывалась вокруг. Хорошо знающий Симу человек мог прийти в изумление, увидев сейчас её глаза, которые отчего-то были полны слёз, готовых выплеснуться. Сима смотрела на окружающий мир с каким-то недоумением – смотрела так, будто видела всё впервые или... когда-то очень давно, ещё в детстве.

Столь быстрая и необъяснимая перемена, странным образом изменившая её облик, озадачила и Жоржика. Он не мог понять: хорошо это или плохо.

Глубоко вздохнув, Сима покачала головой. И сделала она это так, точно отгоняла от себя назойливые противно мелькающие мысли.

Оставив без внимания слова мужа, она подошла к сыну.

– Ну-ка, снимай штаны! – не терпящим возражений тоном потребовала она. – Увечья твои осматривать будем.

– Ну, мам? – оглядываясь на окружающих, запротестовал Жоржик. Но, не рискуя быть раздетым насильно, да и не заметив должного сочувствия, он нехотя подчинился.

– И это всё? – глядя на царапину, поинтересовалась Сима.

– Да, кажется... вроде бы... – пытаясь через плечо осмотреть ранение, ответил Жоржик.

В этот момент от входной двери, уже распахнутой, раздался голос отца, мужа: «В больницу его... немедленно!»

– Зелёнкой обойдётся, – присев на диван и помогая десятилетнему сорванцу заправить рубашку, твёрдо сказала Сима. Уже улыбаясь, она спросила у сына:

– И что же ты, притвора, так кричал?

– Не знаю. Испугался, наверное, – смущённо ответил Жоржик.

Комков топтался в прихожей. Одно только его присутствие, утомляя пространство, создавало неуместные колебания воздушных масс, а неудобоваримые реплики и нудное бормотание делали эти массы совершенно непригодными для дыхания.

Приведя одежду сына в надлежащий вид, Сима снисходительно – вот чего раньше за ней совсем не наблюдалось – посмотрела на мужа, который, заложа руки за спину, всё ещё затаптывал ковровые половики. Смерив пристальным взглядом его фигуру, Сима поднялась, жала маленькую ладонь Жоржика и повернулась к хозяевам.

– Извините, но нам и в самом деле пора. Если позволите, мы в другой раз к вам заглянем.

Старики неуверенно, но в знак согласия – а иначе никак нельзя и воспитание не позволяло – вразной закивали.

Семейство Комковых удалилось.

Однако главный Комков, удаляясь, успел пообещать, что никогда больше «паршивый» порог этого дома не увидит... А вот чего такого в обозримом будущем не сможет увидеть удивлённый порог никто так и не успел расслышать – вопиющая несправедливость: кто-кто, а уж он-то и вовсе не при делах Входная дверь захлопнулась, надёжно оградив слух провожающих от вредного влияния забористого фольклора.

Анна Ивановна и Павел Германович не сразу пришли в себя.

Они почти успокоились, когда в довершение бед и волнений за их спинами в пустой комнате – конечно же, пустой? – прошло какое-то неясное волнение. Что-то очень похожее на брагурный марш возникало, слышалось из наступающей темноты. Искренняя неподдельная радость исходила от тихих, но уверенных звуков.

Инцидент с пружиной отошёл на второй план.

– Вы слышали, Пал Германович? – повернувшись к мужу, прошептала Анна Ивановна. Не мешкая, она заняла самую безопасную позицию, которая по старой привычке всегда оказывалась за спиной супруга.

Пал Германович медленно – да что же это сегодня происходит? – повернул голову и попытался рассмотреть что-либо в темноте комнаты, из которой явно доносились невозможные звуки: и музыка, и женский смех и, что казалось совсем уж непонятным, воинствующие кличи – под звон металла и грохот барабана.

– Тебе послышалось, Аннушка, – заверил Павел Германович, но тут же напомнил о молодых и шумных соседях, с недавнего времени проживавших на другой стороне улицы.

Говоря это, Павел Германович, странное дело, улыбался. Возможно, он вспомнил что-то весёлое – о чём никому не стал бы рассказывать.

Анна Ивановна внимательно, но с некоторым подозрением смотрела мужу прямо в глаза. Вот только подозрения не оправдались: глаза мужа оставались честными и правдивыми.

«Ну-ну...» – подумала Анна Ивановна. Нахмутив брови, она оставила некогда надёжное «укрытие» и решительным шагом направилась в расшумевшуюся комнату. При этом Анна Ивановна через плечо и с лёгким укором посмотрела на супруга. Тихо, как бы чего не вспугнуть и чему-то не навредить, она заметила:

– Ничего, Паша, мне не послышалось. А соседи, Павел Германович, здесь не причём... вовсе не при чём, – и, нащупав выключатель, добавила: – Я ещё... ещё сама в состоянии разобраться...

Свет без долгих уговоров и лишней суеты из матовых плафонов люстры разошёлся по потолку, опустился по стенам и вернул предметам, потерявшим в сумерках дневные очертания, те линии и формы, которым недавно так радовались солнечные лучи.

Анна Ивановна осмотрела все подозрительные уголки. Не оставила она без внимания и узкие пространства между стеной и картинами. Затем Анна Ивановна, присев к полу, заглянула и под диван. Но, так и не обнаружив признаков постороннего присутствия, она поднялась и

подошла к комоду. Попытавшись открыть один из ящичков, Анна Ивановна лишний раз могла удостовериться в надёжности старинных запоров. Однако же, Анна Ивановна так и не смогла, как ни пыталась, припомнить: и когда это она их замкнула – зачем и почему? Очень странно.

Анна Ивановна посмотрела на мужа.

– Паша, а ты не знаешь, где ключи от комода?

– Не знаю, – сказал Павел Германович, – но догадываюсь.

– Так, где же они? – в прозвучавшем вопросе уже чувствовалось нетерпение.

– В последний раз я видел их в верхнем левом ящичке.

– Но... ведь он закрыт, ящик этот?! – удивилась Анна Ивановна.

Тут она в доказательство своих слов ещё и подёргала за ручку упрямого ящичка, где непостижимым образом оказались запертыми сами же ключи.

– Оставь, Аннушка, – мягко посоветовал жене Павел Германович, – найдутся твои ключи, обязательно найдутся – это я тебе обещаю.

– Ну, хорошо, – вдруг согласилась Анна Ивановна. – Вот только на веранду загляну.

Она прошла через комнату, не переступая порог, наклонилась и осмотрела слабо освещённую веранду. Ничего подозрительного не заметив, Анна Ивановна осторожно – мало ли что – прикрыла дверь и вернулась к супругу. Став напротив, Анна Ивановна растерянно пожала плечами и виновато улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.